

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Л. ОСПОВАТ

ВОКРУГ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»

1. Легенда о «сне майора Батурина»: источниковедческая заметка

Специальный интерес к устным петербургским преданиям был присущ уже ранним экскурсам в творческую историю «Медного всадника» (конец XIX в.). В ходе дальнейших исследований стало очевидным, что текст поэмы соотносится не только с анекдотами, вызванными наводнением 1824 г., но также с легендами и слухами, в той или иной степени отразившими символику «петербургского мифа» [2—5]. (Ср. вариант заключительной строфы Вступления: «Была ужасная пора.../Об ней начну повествованье./И будь оно, друзья, для вас/Вечерний, страшный лишь рассказ, А не зловещее преданье» [1, т. V, с. 496]. Отметим, что в первом отзыве на известие о «потопе» Пушкин обыграл старинное предсказание: «Санкт-Петербурху пустеет будет!» [6, с. 88—89] — «ничто проклятому Петербургу!» [1, т. XIII, с. 122; из письма Пушкина брату от середины ноября 1824 г.].) Одна из таких легенд, наделяющая Петра патрональной функцией по отношению к основанной им столице, пользуется особой популярностью в работах о «Медном всаднике»: имеем в виду восходящий к разным источникам рассказ о «сне 1812 года», в котором фигурирует оживший Фальконетов монумент. Источниковедческий анализ самой легенды, однако, никогда не производился; настоящая заметка может рассматриваться как первый опыт в этом направлении.

Насколько нам известно, литературная история данного рассказа начинается с сообщения «Откуда Пушкин взял сюжет „Медного всадника“», опубликованного критиком и преподавателем А. П. Милюковым в газете «Сын отечества» в 1869 г. [7, с. 408—409]; этот текст, подвергнувшийся стилистической правке, вошел в состав мемуарной книги автора, появившейся в 1872 г. Согласно Милюкову, некогда, во время экзамена в одном женском учебном заведении, граф Михаил Юрьевич Вьельгорский сообщил ему следующее: «В 1812 году, когда Наполеон шел к Москве, французский корпус маршала Удино движением на Полоцк породил опасение за Петербург. В столице поднялась тревога. (...) Зная, между прочим, что Наполеон любил вывозить из столицы памятники (...), у нас стали опасаться, как бы он не увез в Париж монумент Петра Великого. Кто-то предложил, в случае серьезной опасности, снять фальконетовскую статую с пьедестала, поставить на судно и отправить (...) в одну из отдаленных губерний. Государь одобрил эту мысль».

В это время князю Александру Николаевичу Голицыну приснилось, что он идет «с докладом государю на Елагин остров, по Большой Миллионной, в направлении от Зимнего дворца». Вдруг позади, «как будто на Адмиралтейской площади, раздался гул, точно отдаленный топот лошади.

<...> И вот в домах, мимо которых я проходил, начали звенеть стекла, и самая мостовая как будто колебалась. <...> Тут я обернулся от ужаса. В нескольких саженях от меня, при сумрачном свете раннего утра, скакал огромный всадник на исполинском коне, потрясающем всю окрестность топотом своих тяжелых копыт. Я узнал эту фигуру по величаво поднятой голове и руке, повелительно простертой в воздухе. То был наш бронзовый Петр на своем бронзовом коне». Через Троицкий мост и Каменно-островский проспект бронзовый Петр проскакал во дворец, и поспешавший за ним Голицын видит, как император Александр (лицо его «было грустно и озабочено») быстро приблизился к «царственному всаднику». Воскликнув: «Ты соболезуешь о России!», — Петр далее произнес: «Не опасайся! <...> пока я стою на гранитной скале перед Невою, моему возлюбленному городу нечего страшиться. Не трогайте меня — ни один враг ко мне не прикоснется». И после этих слов Всадник удалился.

«Граф Виельгорский прибавил, что князь Голицын на ближайшем докладе у государя рассказал ему свой чудесный сон. Рассказ этот так подействовал на императора, что он приказал отменить все распоряжения к отправке из Петербурга монумента Петра Великого <...>

Когда впоследствии пересказали этот сон Пушкину, он пришел в восторг и долго повторял: какая поэзия! какая поэзия! Он признавался графу Виельгорскому, что тогда же начал обдумывать содержание своего „Медного всадника“, и хотя потом дал поэме другую идею и обставил ее иными подробностями, но при всем том видно, что интересный сон князя Голицына послужил главным основанием повести» [8, с. 225—231]. (В газетном тексте заключительная сентенция сформулирована осторожнее: «...при всем том нельзя не видеть, что поэтический сон князя Александра Николаевича Голицына имел на нее <повесть> значительное влияние» [7, с. 409]).

Милоков весьма неопределенно датировал свою встречу с Виельгорским на экзамене: из контекста можно уразуметь, что дело происходило в конце 1840-х — начале 1850-х годов. Уже к моменту первой публикации рассказа (1869 г.) давно не было в живых двух главных действующих лиц: А. Н. Голицын (личный друг императора Александра I, в 1812 г. занимавший должность обер-прокурора Синода) скончался в 1844 г., а М. Ю. Виельгорский — в 1856 г. Каких-либо откликов на публикации Милокова не последовало, а вскоре в печати появились данные, ставящие под сомнение его рассказ.

В 1873 г., через год после выхода книги Милокова, в «Русском архиве» были опубликованы выдержки из «Старой записной книжки» П. А. Вяземского (без указания авторства), где о проекте эвакуации памятника в 1812 г. рассказывалось со слов управлявшего тогда делами Кабинета министров статс-секретаря П. С. Молчанова, которому «поручено было государем это отправление» ([9, стлб. 1026—1027]; ср. [10, с. 120; 11 с. 176]). Ни имя Голицына, ни какие-либо пророческие сновидения здесь не упоминались.

Еще через год на страницах «Русской старины» некто «М.» (М. И. Семеновский?) заново изложил это предание. Его версия отличалась от предшествующей тем, что скачущего Всадника видел во сне петербургский почт-директор К. Я. Булгаков, который поведает о том А. Н. Голицыну [12, с. 733]. Не упомянув о публикациях Милокова, автор заметки не учел и фактической справки о Молчанове, приведенной в «Русском архиве».

Наконец, в 1877 г. П. И. Бартенев обнаружил третью версию легенды (опять-таки выступая как первооткрыватель). Издатель «Русского архива» сообщал, что «мысль о „Медном всаднике“ пришла Пушкину вследствие устного рассказа, который был ему передан известным графом М. Ю. Виельгорским. В 1812 г., когда опасность вторжения грозила и Петербургу, государь Александр Павлович предполагал увезти статую

Петра Великого, и на этот предмет статс-секретарю Молчанову было отпущено несколько тысяч р(ублей). В приемную к кн. Голицыну, масону и духовидцу, повадился ходить какой-то майор Батурина. Он добился свидания с князем (другом царевым) и передал ему, что его, Батурина, преследует один и тот же сон. Он видит себя на Сенатской площади. Лик Петра поворачивается. Всадник съезжает со скалы своей и направляется по петербургским улицам к Каменному острову, где жил тогда Александр Павлович. <...> Всадник въезжает на двор Каменноостровского дворца, из которого выходит к нему навстречу задумчивый и озабоченный государь. „Молодой человек, до чего ты довел мою Россию?— говорит ему Петр Великий.— Но покамест я на месте, моему городу нечего опасаться!“ Затем всадник поворачивает назад, и снова раздается тяжело-звонкое скаканье. Пораженный рассказом Батурина, князь Голицын, сам сневидец, передает сневиденье государю...». И в результате «статуя Петра Великого оставлена в покое». Добавляя, что данный рассказ «случилось нам слышать от современников, и в числе их от С. А. Соболевского», Бартнев резюмировал: «Пушкин, как известно, был необычайно впечатлителен, и поэтические черты рассказа о страшном сне, в связи с воспоминаниями о судьбе России в 1812 году, поразили его. Таково первоначальное происхождение его Медного всадника» [13, с. 424—425].

Нетрудно заметить, что версия Бартенева обладала важной особенностью. Сновидение здесь «приписано» абсолютно известному лицу, что снимало вопрос о достоверности самого рассказа, который переходил уже в ранг петербургского предания. Именно «сон майора Батурина» получил наибольшее распространение в пушкиноведении, хотя в ряде работ встречались и пересказы «сна Голицына». (Стоит, впрочем, упомянуть о том, что известный историк Петербурга П. Н. Столпянский, следовавший версии Бартенева [14, с. 221—222], на склоне лет написал заметку «У Медного Петра»: здесь сюжет обогащен рядом подробностей, а героем рассказа выступает отставной майор *Бахметев*, проживавший «где-то на окраине Петербурга, в далекой Коломне, на Бугорке, в Козьем болоте», — ОР и РК ГПБ, ф. 741, оп. 2, № 330, л. 1.— В одной же из современных статей чудесный сон приписывается майору *Бутурлину* [15, с. 72].) В целом же дореволюционные исследователи, за исключением, пожалуй, П. А. Ефремова, квалифицировавшего интересующее нас предание как наивную и нелепую «сказку» [16, с. 460], склонны были усматривать более или менее очевидную связь между «рассказом Виельгорского—Соболевского» и замыслом «Медного всадника» [17, с. 89—90; 18, с. 117—118; 19, с. 53]. Эта точка зрения сохраняется и в современной науке [20, с. 81; 21, с. 97; 22, с. 90—91]; но если у Н. В. Измайлова, крупнейшего знатока истории текста поэмы, она сформулирована с традиционной гипотетичностью [23, с. 243], то Л. А. Черейский безоговорочно заключает, что о «сне Батурина» Виельгорский рассказал Пушкину во второй половине 1833 г. [24, с. 66], впрочем, документально не обосновывая свой вывод. Ради библиографического педантизма отметим недавнюю книгу Ю. Б. Борева, в которой «притча», рассказанная Виельгорским, наделяется, между прочим, «онтологическим значением для социального бытия произведения» [25, с. 221].

Что же касается очевидных реминисценций из «петербургской повести», которые встречаются в рассмотренных записях (особенно показателен рассказ Бартенева), то сами по себе они не смущали исследователей [5, с. 129]: литературная история этой легенды началась спустя много лет после публикации «Медного всадника», а ее устное бытование в пушкинском кругу удостоверено авторитетом Бартенева, которого невозможно заподозрить в мистификации.

И все же есть серьезные основания усомниться в том, что эта легенда возникла сразу после 1812 г. и вообще при жизни Пушкина. Настораживает уже тот факт, что она никак не отразилась в известных нам первоисточ-

никах по эпохе Отечественной войны (хотя документальный фонд, относящийся к событиям 1812 г., достаточно обширен и хорошо разработан); не углубляясь в примеры, отметим отсутствие даже намека на подобный сюжет в материалах таких современников, как П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, петербургский и московский почт-директоры К. Я. и А. Я. Булгаковы (одному из них, мы знаем, чудесный сон иногда «приписывался»), которые отличались особым вкусом к анекдотике. Вяземский дожил до тех времен, когда «рассказ Виельгорского—Соболевского» получил печатное обращение, и успел высказаться по этому поводу.

В бумагах Вяземского сохранились продиктованные им замечания об анонимной статье «Александр Сергеевич Пушкин», опубликованной в августе 1874 г. в «Русской старине» [12, с. 683—714]. На полях рукописи есть дополнения, сделанные рукой престарелого Вяземского. (На последней странице — помета переписчика: «18 августа 1874. Гомбург»; на первой — помета: «получено от кн. П. А. Вяземского из Гомбурга 1 окт(ября) 1874 г.».) Критический разбор журнальной статьи, записанный со слов Вяземского, завершается пассажем: «В той же книжке „Русской старины“ на стр. 786 сказано, что сновидение Булгакова подало Пушкину мысль написать поэму „Медный всадник“ <имеется в виду заметка за подписью „М.“; см. выше.— А. О.>. Это не имеет никакого ни основания, ни правдоподобия. Довольно доказать это тем, что Конст(антин) Яков(левич) Булгаков не был в 1812 г. почт-директором в Петербурге(...); служба по дипломатической части, он, вероятно, не был в это время и в Петербурге. К тому же известно из рассказов П. С. Молчанова („Русск(ий) арх(ив)“ ...<оставлено место для ссылки на публикацию самого Вяземского; см. выше.— А. О.>), что ему, а не князю Голицыну было поручено в случае надобности вывезти памятник Петра Великого из Петербурга» (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1047, л. 8—8 об.). К этому месту Вяземский приписал на полях: «а вот еще опровержение басни о сновидении Булгакова... В предисловии к „Медному всаднику“ сказано: „Прощество, описанное в сей повести, основано на истине. Любопытные могут справиться с изложением, составленным В. Н. Берхом“» (там же, л. 8 об.).

Разумеется, наивной выглядит апелляция к Предисловию Пушкина, произвольно усеченному (ссылка на брошюру В. Н. Берха сделана автором в других целях: «Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться...» и т. д. [1, т. 5, с. 133]). Тем не менее весьма существенным представляется то обстоятельство, что Вяземскому вообще не знаком сюжет предания. Контекст его заметки не оставляет сомнения в том, что, если бы он когда-нибудь слышал о чудесном сне, якобы преследовавшем «майора Батурина» или другого персонажа (а не реального К. Я. Булгакова, который действительно стал столичным почт-директором только в 1820 г.), то непременно бы об этом помянул.

Если замечания Вяземского предназначались для печати, то он должен был адресовать их в «Русский архив» к Бартеневу. Однако ни в этом, ни в каком другом издании данный текст не публиковался. Через три года, напомним, Бартнев в своем журнале изложил версию о «сне майора Батурина»: Вяземскому, страдавшему от болезней и пребывавшему за границей, оставалось жить немногим более года, и нам неизвестно, как он реагировал на этот рассказ (если вообще был о нем осведомлен). В 1881 г. в публикации «Медный всадник А. С. Пушкина. Вновь найденные стихи» Бартнев еще раз упомянул сообщение Вяземского о проекте эвакуации памятника Петра Великого в 1812 г., но здесь же повторил и версию о «сне майора Батурина» [26, с. 239].

Сейчас невозможно установить, знал ли Бартнев об опровержении Вяземского. Он мог знать, но не придать этому значения; мог не знать, и тогда оглашение версии о «сне майора Батурина» объясняется еще проще. Однако не сомневаясь в том, что Бартнев слышал это предание от Виель-

горского и Соболевского, мы обязаны принять в расчет и свидетельство Вяземского — единственное, подчеркнем, свидетельство, непосредственно исходящее от ближайшего пушкинского друга, знатока и собирателя петербургского «фольклора» [10, с. 271—272, 275, 284—285 и др.; 27, с. 103 и др.]. Можно также предположить, что в сознании Виельгорского и Соболевского анекдот позднейшего происхождения архаизировался и эта аберрация произошла именно под влиянием «Медного всадника». Здесь уместно вспомнить и о реминисценциях из поэмы в тексте рассказов, и о том, что А. Н. Голицын, по версии Милюкова, в 1812 г. называет памятник Петру Великому «Медным всадником» [8, с. 230]: этим названием памятник обязан пушкинской поэме.

В таком случае легенда о «сне майора Батурина» отнюдь не теряет своего назначения, но уже как факт из истории восприятия «Медного всадника»; заметим, что аналогичным образом В. Э. Вацуро интерпретирует показание П. П. Вяземского [28, с. 548] о монологе Евгения, якобы содержащем проклятия в адрес европейской цивилизации [29, с. 168]. Не касаясь здесь вопроса о происхождении данной легенды, укажем лишь на любопытное совпадение. Как раз в 1869 г., когда появилась первая (газетная) публикация Милюкова, на русском языке был обнародован рассказ о «явлении» Петра Первого — Павлу (в передаче баронессы Г.-Л. Оберкирх [30, стлб. 517—526]), уже обращавший на себя внимание в литературе о «Медном всаднике» [31, р. 90, note 62].

Как нам представляется, реплика Вяземского нейтрализует сообщения Милюкова, «М.» и Бартенева, и до тех пор, пока они не найдут веского подтверждения, «рассказ Виельгорского—Соболевского» не может быть использован при изучении творческой истории «петербургской повести» Пушкина.

2. Наводнение 1824 г. в неизданных описаниях современников

Документальные свидетельства о «потопе» 1824 г. впервые собраны в «Летописи петербургских наводнений» П. П. Каратыгина [32, с. 33—84], и, несмотря на обилие материалов, появившихся в печати после 1889 г., этот свод до сих пор остается наиболее капитальным. Круг материалов, представляющих непосредственный интерес для изучения «Медного всадника», более или менее очерчен в работах Г. М. Ленобля [33] и Н. А. Рябиной [22] (в них, впрочем, не учтены некоторые публикации, отмеченные еще Каратыгиным), а важнейшие документы недавно были перепечатаны Н. В. Измайловым [23, с. 103—124]. Однако до сих пор не введены в оборот некоторые любопытные свидетельства, в том числе и те, что могли быть известны Пушкину.

Первое письмо, включенное в настоящую подборку, написано светским приятелем Пушкина штабс-капитаном Григорием Никаноровичем Олениным (1797—1843), мужем и однофамильцем старшей дочери А. Н. Оленина — В. А. Олениной. По словам последней, Пушкин «очень любил» ее мужа ([34, с. 237]; сводку данных об отношениях Пушкина с этой семьей см. [24, с. 286—289]), с которым он встречался, в частности, в 1827—1828 гг. Эпиграфом к письму Г. Н. Оленина, адресованному матери, могли бы послужить строки из черновика поэмы: «И страх и смех...» [1, т. V, с. 463]. Письмо публикуется (полностью) по автографу: ОР и РК ГПБ, ф. 542, № 841, л. 1—2 об.

Г. Н. Оленин — Е. П. Олениной

СПб., 14.XI.1824.

Любезная маминька!

Петербург чуть вовсе не затопило водою — представьте, что 7-го ноября по утру поднялась такая буря, что вода вышла из берегов

Невы, Фонтанки и всех каналов и разлилась почти по всем улицам. Залила все нижние этажи, так что у меня внизу в кабинете было более аршина над полом — бедные мои лошади сначала плавали по двору, потом мы их втащили в комнаты внизу, где им было воды повыше колена, — у нас, слава богу, все благополучно окончилось — страху не было ни сколько, напротив того, Анеточка, которую я к себе перевез заблаговременно из папинькиного дома, много смеялась вместе с Варинькой¹. В этот день папинька и маминька были в Приютино² и ничего не видели — Алексей и Петр³ в Москве, и так Анеточка одна оставалась дома. А m-me David с барышнями — я расчел при начале наводнения, что ей гораздо лучше быть с ними в такое ненастие, за продолжение которого нельзя было отвечать. Я перевез ее по воде в актерской карете, которую поймал на улице. Первая вещь, о которой я подумал, это провизия, и сделал запасу хлеба и мяса на два дня, потому что нельзя было знать, сколько времени простоит вода, да к тому же, хотя она и сошла в 8 часов вечера, но так как у всех булочников и у нас в нижнем этаже размыло печи, то многие с трудом доставали хлеб, и мы с нашим запасом были без нужды. В Галерной гавани, на Васильевском и Петергофской дороге снесло множество деревянных домов — на Неве видны были дома, плывущие с жителями на кровле, отломки барок с людьми и разные ужасные картины, целые купеческие галиоты выбрасывало под окна домов, стоящих на набережных, и эти галиоты, плывущие по набережной, сбивали колонны балконов и фонари городские. Мосты все сорвало — одна карета, ехавшая на мосту близ Летнего сада, четвернею с дамами, полетела в Неву и пропала — множество людей погибло на улицах, некоторых спасали в окна домов, иные спасались на досках и бревнах, которые множество несло по улицам, — мимо нас плыли будка часовых гаубвахты с сошками, ясли, в которых извозчики по улицам кормят лошадей, графинь, бумаги, книги, всякая всячина. Все улицы, когда вода сбыла, покрыты были ломом, — а на Васильевском острове и Петергофской дороге проезду не было — там, где были дома, там сделались площади, где были площади, туда принесло дома. Убытки города неисчислимы — думают, что на одной бирже пропало товаров и переломано на 80 миллионов. Много сахару растаяло, так что здесь сахар по 60 рублей пуд, но думают, что опять цена спадет. Людей потопших считают около 4 тысяч⁴ — более женщин — нежели мужчин, — у нас в домах, слава богу, все вынесено было заблаговременно в верхний этаж, так что мы ничего не потеряли. Государь во все время смотрел из Эрмитажа на сие несчастное зрелище, видя погибающих, предложил моему дивизионному командиру Бенкендорфу ехать на катере их спасать — хотя буря была ужасная, но Бенкендорф с одним морским офицером, который командовал катером, спасли 9 человек⁵. Государь пожаловал Бенкендорфу табакерку с своим портретом и 50 тысяч рублей, а офицеру Владимирский крест 4-й ст(епени). Теперь учреждена комиссия для вспоможения потерпевшим несчастным жителям. Государь дал в оную 1 миллион рублей на первый раз. Все партикулярные люди делают пожертвования⁶. Учреждены 3 временных генерал-губернатора в тех частях города, которые более потерпели, — 1) Бенкендорф, 2) Депрерадович и 3) граф Комаровский, генерал-адъютант⁷. Вот вам, милая маминька, описание несчастья, которое стоит несчастий, которые претерпевают города во время войны.

Рассказывают тысячи трогательных историй насчет пострадавших — все веселья города прекращены были на несколько дней.

Автор следующего письма — чиновник Коллегии иностранных дел Михаил Михайлович Устинов (1800—1871); адресовано оно младшему брату Адриану Михайловичу (1802 — после 1882). А. М. Устинов, вышедший в отставку в 1828 г., в 30-х годах встречался с Пушкиным: истории их взаимоотношений посвящена статья К. В. Шилова [35],

которому мы обязаны указанием на данный документ. Письмо М. М. Устинова не только добавляет выразительные штрихи в уже известную картину; автор склонен к медитации, предвосхищающей некоторые мотивы пушкинской поэмы. Письмо М. М. Устинова публикуется (полностью) по автографу: Гос. архив Саратовской обл. (ГАСО), ф. 661, оп. 1, № 42, л. 135—137. Подлинник по-французски. Перевод Л. И. Долгиной.

М. М. Устинов — А. М. Устинову

С. Петербург, 11. XI. 1824.

Мой дорогой Адриан, я намерен, уподобившись госпоже де Севинье ⁸, рассказать тебе о происшествии весьма удивительном, незабываемом, чудеснейшем и непредвиденном, о происшествии, которое погубило тысячи людей и заставило тысячи семей умолять о помощи; о происшествии, из-за которого вздорожали сахар, кофе, дрова и другие важные для жизни продукты. Впрочем, шутки в сторону, поскольку предмет моего рассказа не содержит ничего смешного; я опишу тебе во всех подробностях печальные и ужасные события, свидетелями которых мы были.

Начиная с 5-го сего месяца резкий морской ветер начал дуть в направлении Петербурга или, скорее, устья Невы. Это продолжалось в течение двух дней — пятого и шестого ноября — и ночи с шестого на седьмое. Вода в реке и каналах поднялась, но ничто еще не предвещало ужасную катастрофу, которая произошла утром 7-го. Начался страшный ураган, заставивший воды Невы пойти вспять. Морские волны с яростью устремились в реку, и в 11 часов началось наводнение. В полдень большая часть города оказалась под водой. Такого наводнения здесь еще не бывало. Наводнение 1777 года ничтожно по сравнению с теперешним, ибо в этот раз вода поднялась на 5—6 футов выше ⁹. На Васильевском острове она стояла на высоте от 1 до полутора и даже до двух саженьей. На нашей улице вода поднялась до двух с половиной аршин. К счастью, поскольку мы живем на втором этаже, больших потерь мы не понесли; как только я увидел, с какой быстротой прибывает вода, я приказал отвести наших семерых лошадей в кухню на втором этаже. Вспомни нашу лестницу, и ты поймешь, легко ли было это сделать. Пострадали только экипажи. Счастье еще, что мы все были дома, потому что на улицах множество людей погибло; я сам видел, как из двора прачечной неподалеку от нас выносили пять трупов.

Чтобы ты представил себе, на какую высоту поднялась вода в нашем квартале, скажу, что, живя на втором этаже, мы выбрали и впустили к нам через окно твоего кабинета шесть человек, которые плыли в лодке и не знали, куда пристать. Все магазины, расположенные в первых этажах, и все погреба были под водой; биржу затопило, а товары, находившиеся в окрестных магазинах, безвозвратно унесены волнами. Все мосты через Неву сметены, причем несколько огромных понтонов, на которых эти мосты держались, оказались, как это ни удивительно, на набережной и на других улицах города. Еще одно необычайное обстоятельство: пироскаф «Берта», способный, как ты знаешь, вместить до двухсот человек, был унесен — угадай, куда? — на Большую Театральную площадь ¹⁰. Целая деревня Емельяновка, расположенная ниже Екатерингофа, была перенесена волнами в Красный Кабачок ¹¹. Что ты об этом скажешь? И не кажется ли тебе все это романом, порожденным чьим-то большим воображением?

К несчастью, ты очень скоро убедишься в достоверности всех этих подробностей. Число жертв этого ужасного события еще неизвестно, но некоторые считают, что погибло около пяти или шести тысяч человек ¹².

Должен тебе сказать, что многие люди проявили поразительное мужество. Когда император приказал дежурному генерал-адъютанту Бенкен-

дорфу оказать помощь тем несчастным, которые тонули в Неве, тот бросился впласть вместе с 20 матросами, доплыл до катера и спас 11 человек, а сам был обязан своим спасением только одной из тех необычайных случайностей, которые, вероятно, происходят специально для того, чтобы придавать мужество самоотверженным и преданным людям¹³. Один часовой не захотел оставить свой пост перед зданием Гвардейского корпуса; вода, смыв его деревянную будку, превратила ее в корабль, и то, что должно было его погубить, стало якорем спасения. Проплывая таким образом перед Зимним дворцом, он заметил Императора, который смотрел на него с балкона в лорнет, и, как ни в чем ни бывало, отдал ему честь¹⁴. Император наградил генерала Бенкендорфа своим портретом, усыпанным алмазами.

К трем часам наводнение начало уменьшаться, в 9 вода отступила. Если бы ты только видел, какое плачевное зрелище представлял город на следующий день: повсюду обломки, обрывки, лодки поперек улиц, большая часть мостов снесена, набережные разрушены. На улицах везде валялись трупы коров и лошадей, фонари, винные бочки. Представь себе, как, должно быть, пострадали острова и какие огромные потери понесла казна. Подумай, какое отчаяние царит ныне во множестве семей, которые еще вчера жили в довольстве и счастье, а сегодня стоят на грани разорения и нищеты.

Вот, дорогой Адриан, правдивое описание наших бедствий. Лично я совсем не пострадал, но только эгоист в подобном случае не принял бы ни малейшего участия в общем горе! Рассказывая об этом происшествии, поневоле задумываешься о бренности человеческой жизни... Поле для размышлений здесь обширное, но сколько ни размышляй, это не помешает нам рано или поздно оказаться под водой. Поскольку я не умею плавать как рыба и мне далеко до госпожи Акулы и до господина Кита, то в этом случае мне придется навсегда проститься с тобой, с моими пенатами, с моими книгами. Впрочем, чтобы успокоить тебя, покамест я буду начинать мои письма уверениями, что я еще не утонул, а кончать их буду, как и прежде, целуя тебя братски и дружески.

М. Устинов

Да здравствует Бетховен!

Отставной генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Волконский (1769—1835), московский знакомый Пушкина [25, с. 72], не был очевидцем наводнения и, подобно поэту, первые известия получил из писем. Записи в дневнике, со слов Волконского, делал его секретарь; выдержки из этого дневника, относящиеся к ноябрю 1824 г., печатаются по подлиннику: ОР и РК ГПБ, Собр. Титова, № 4680, 1824 г., л. 30 об.—34.

«12 ноября <...> По письмам из Петербурга с 6 на 7 число было там великое наводнение еще более, нежели было 1777 года, а именно: вода начала прибывать в ночь с 10 часов при восточном ветре; и с невероятною скоростью вышла из берегов на рассвете, часу в 11-м, и возвышалась до 2-х часов пополудни, и наконец достигла до небывалой никогда высоты. Хитровы описывают, что у них нижний этаж весь был в воде, людские вещи и провизия—все потеряно, даже барки ходили по Морской улице, где их дом; противу дворца носились деревянные дома с людьми, коим не могли подавать помощи; все сие происходило в глазах государя; гвардия потеряла много лошадей, и народу, полагают, погибло много. Все же потери еще неизвестны,— а здесь уже сахар и многие товары вздорожали; несчастие сие произвело убытки неисчислимые. Во всех отношениях благодарение богу, что еще не совсем затоплен город и не погиб весь народ. <...>

22 <ноября> было объявление всем через полицию, что открыт здесь Комитет для добровольных пожертвований для разоренных жителей Петербурга ¹⁵ <...>»

Среди бумаг Семена Николаевича Корсакова (1787—1853), столичного чиновника и крупного помещика, сохранилась составленная им записка «О наводнении С. Петербурга 7 ноября 1824 г.». Выдержки из нее публикуются по автографу: РО ГБЛ, ф. 137, оп. 1, 13.9, л. 1—5 об.

«1824 года ноября 7 при сильном Ю<го-> З<ападном> ветре было великое наводнение в С. Петербурге, начавшееся с самого утра. <...> Вода продолжала прибывать (как замечали, около 1 вершка каждые 5 минут) до 2 часов пополудни, когда ветер переменялся на З<ападный> и С<еверо-> З<ападный>, и вода пошла на убыль. <...>

Ноября 8. Суббота. <...> Улицы загромождены всяким ломом, лежали утопшие лошади. Заборы повалены. <...> По набережной все завалено. Барка с полным грузом дров стояла на проспекте против 9-й линии. Я переехал на ту сторону, вся Аглицкая набережная была завалена дровами, лодками, барками и проч. На самой пристани лежала разбитая барка с вином, и многие разбивали бочки и оного черпали. По хламу я пробрался до Сената. Гауптвахта снесена. На всех лицах написано уныние. <...> Против новой Католической церкви у дома Сестренцевича стоял на суше среди улицы Бердов пароход ¹⁶. Говорят, что в Коломне много людей потонуло. <...>

У дворца переехал за Неву. Вся набережная около Академии наук и по первой линии покрыта огромными брусками красного дерева из Биржи. (Говорят, что там одного сахара пропало на несколько миллионов). Пристань Исаакиевского моста вся снесена. <...>

Ноября 11. <...> По всему городу приказано означить красными чертами высоту воды 7 ноября на каждом доме.

Во время наводнения было много безбожных людей, кои врывались в дома и грабили имущество несчастных...»

Примечания

¹ Имеются в виду дочери А. Н. Оленина: Анна Алексеевна (1808—1888) и Варвара Алексеевна (1802—1877), жена Г. Н. Оленина.

² Имеются в виду Алексей Николаевич (1763—1843) и Елизавета Марковна (1768—1838) Оленины, тесть и теща Г. Н. Оленина. Приюткино — мыза Олениных за Большой Охтой.

³ Алексей и Петр — сыновья А. Н. Оленина.

⁴ Точное число погибших во время наводнения 1824 г. неизвестно. По официальным данным, приведенным в книге С. Аллера «Описание наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 7 ноября 1824 г.», их было всего 480 [23, с. 115]; эту же явно заниженную цифру называет в «Панораме Санкт-Петербурга» А. П. Башупцкий [36, с. 57]. В этой связи близость цифр, приводимых Г. Н. Олениным и М. М. Устиновым (см. ниже), заслуживает внимания. Ср. в письме А. Г. Венецианова П. И. и Н. П. Милоковым от 24 ноября 1824 г.: «Может быть, за 1000 человек погибло, а не до 10 тысяч, как в в Москве назначили» [37, с. 150]. Во всяком случае, «14 тысяч погибших», о которых сообщает С. М. Салтыкова в письме А. Н. Семенову от 16 ноября 1824 г. [23, с. 121], — значительное преувеличение.

⁵ Ср. [1, т. V, с. 141, 150]. О спасательной экспедиции, возглавляемой А. Х. Бенкендорфом, сообщалось в «Описании...» С. Аллера [23, с. 115]. Командиром катера был мичман Гвардейского экипажа Петр Петрович Беляев (Беляев 2-й; 1804—1864), в будущем декабрист, осужденный по IV разряду. О его решительных действиях упоминается также в письме С. М. Салтыковой [23, с. 122]; подробное описание этого эпизода см. в мемуарах А. П. Беляева [38, с. 137—139].

⁶ 11 ноября 1824 г. был обнародован рескрипт Александра I на имя члена Государственного совета А. Б. Куракина «о мерах скорой и существенной помощи» пострадавшим от наводнения (этот рескрипт составил Г. С. Батеньков [39, с. 148]). Учрежденный тогда же Комитет «о пособиях разоренным жителям» упоминается в письме Пушкина брату от 4 декабря 1824 г. [1, т. XIII, с. 127].

⁷ 8 ноября 1824 г. три генерал-адъютанта были назначены временными военными губернаторами (под началом столичного генерал-губернатора М. А. Милорадовича): на Васильевский остров — А. Х. Бенкендорф, на Петербургскую сторону — Е. Ф. Комаровский, на Выборгскую сторону — Н. И. Депредавович. Подробнее см. [40, с. 226].

